

Ida Fink

ODPŁYWAJĄCY OGRÓD

Ида Финк
УПЛЫВАЮЩИЙ САД

РАССКАЗЫ
Перевод с польского

Под редакцией И. Адельгейм

Москва «Текст» 2019

УДК 821.162.1-32
ББК 84(4Пол)-44
Ф59

*Книга издана при поддержке
Польского культурного центра в Москве
www.kulturapolshi.ru*

ISBN 978-5-7516-1529-1

Copyright © 1987, 1996 and 2001 by Ida Fink
Stories first published in
Skrawek czasu (1987), *Ślady* (1996) and *Odplywający
ogród* (2001)
© «Текст», издание на русском языке, 2019

*Памяти Ксении Яковлевны
Старосельской*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга появилась на русском языке как естественная реакция на то горе, каким стал внезапный уход Ксении Яковлевны Старосельской для знавшего ее — кто-то дольше, кто-то совсем коротко — и любившего младшего поколения переводчиков польской литературы.

Сделать книгу в память о Ксении Яковлевне участники ее семинара, работавшего на протяжении почти восемнадцати лет (состав его в разные годы частично менялся), решили почти сразу. Когда выбор пал на сборник рассказов Иды Финк, оказалось, что в свое время Ксения Старосельская перевела из него три рассказа для журнала «Лехаим». Ученики сочли это хорошим знаком — таким образом и она сама тоже будет присутствовать рядом с ними в этой книге. Добавим также, что два рассказа в переводе Юлии Винер были опубликованы в сборнике «Опечатанный вагон: Рассказы и стихи о Катастрофе» (М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005).

Я не была участником семинара — к тому моменту, когда он возник, я уже несколько лет занималась переводческой работой, и Ксения Яковлевна сочла, что в этом нет необходимости. Моим семинаром была двадцатилетняя дружба с ней. И я благодарна за возможность участвовать в книге в качестве редактора — эта работа (как и завершение не законченного Ксенией Яковлевной перевода книги Ханны Кралль) дала иллюзию (а может, и не такую уж иллюзию?) продолжения оборвавшегося разговора...

Несколько слов о книге «Уплывающий сад». Большую часть своей жизни Ида Финк (1921—2011) провела в Израиле, уехав из Польши в 1957 году. Холокост — собственный опыт Финк, и вся ее проза непосредственно связана с ним. Очень короткие истории, разные ситуации, разные чувства и разные герои (в том числе эсэсовец и его семья), разные годы и страны, разные ракурсы, границы в пространстве и во времени, в сознании, памяти и языке, пересекающиеся судьбы, перекликающиеся, продолжающие или поясняющие друг друга эпизоды, негромкое, но каждый раз — в каждом лаконичном тексте — буквально сбивающее читателя с ног повествование о конце света.

Ирина Адельгейм

КОНЕЦ

KONIEC

Они всё не уходили с балкона, хотя стояла уже глубокая ночь и всего несколько часов отделяло их от рассвета. Внизу бежала темная, пустынная улица, деревья в сквере напоминали черные взъерошенные головы. Снова было тихо, слишком тихо после т о г о. Время от времени громыхал, проезжая через центр, ночной трамвай, мягко проскальзывал автомобиль. Ночь выдалась душная, одна из тех летних ночей, когда лист не дрогнет, а разогретый за день асфальт обдаёт теплым дыханием.

Он провел ладонью по железным балконным перилам, дотронулся до руки девушки. Ее ладонь была холодной; с силой стиснув пальцы, она как будто защищала свой мир.

— Видишь, — сказал он, — ничего не случилось.

Она смотрела не на него, а вверх городских крыш в густую тьму, но знала, что он тоже прислушивается. Говорит: «Ничего не случилось», а сам слушает.

— Не бойся, можно спокойно ложиться спать.

Он повторил:

— Ничего не случилось.

— Я и не боюсь, — ответила она громко, зло, но слова укатились вниз по улице, будто мелкие торпливые шаги. — И я тебе не ребенок, не говори со

мной, как с младенцем. И не ври. Я вижу — ты прислушиваешься.

— Да ты же в самом деле ребенок, — рассмеялся он, — мой любимый малыш...

— Зачем ты выводишь меня из себя? Я и так... — Она осеклась.

До них донесся гул — сперва далекий и неясный, потом явно различимый и совсем близкий. Но то был только грузовик.

— Ты помнишь, как э т о началось? — спросила она, когда снова стало тихо.

У нее был чистый и высокий голос. Юноша закрыл глаза, подумал: я люблю ее и не хочу, чтобы она боялась.

— Скажи, — настаивала она, — ты помнишь?

— Помню. Могу даже пропеть тот момент, но ты же знаешь, какой из меня певец.

— Не шути. Это важная ночь.

Он обнял ее, почувствовал, что она дрожит.

— Родная, ночь важная, потому что она — наша...

В темноте он встретил колющий взгляд. Она не могла шутить, отталкивала нежность.

— Помню, — поспешно согласился юноша, и тот момент немедленно отозвался музыкой.

Он помнил каждую деталь: смычковые, проложив путь солисту, сошли на piano — первые такты laghetto, которое он так любил. Именно тогда он уловил слабый гул, доносившийся со стороны города. Будто надвигалась саранча. Может, даже не саранча, а плотное тремоло смычков, перерастающее в forte, приближалось, предвещая грозу. Оркестр, подхватив тему рояля, заговорил приглушенным голосом, а по толпе слушателей словно пролетел порыв ветра — все обернулись туда, откуда подступала теперь уже мощная и тяжелая рокочущая волна. Он почувствовал нерешительность пианиста, увидел, как его ру-

ки набросились на онемевшие клавиши. Не слышно было ни инструмента, ни оркестра. Улицу, прилежавшую к парку, сотрясал грохот танков и скрежет гусениц. Гроза прокатилась, смолкла, ушла. Снова стало тихо, и звучный шепот рояля достиг их последнего ряда.

— Помню, — повторил он. — Придумали тоже — устраивать концерты в парке! Что за бредовая идея...

— Петр, — прошептала девушка (она никогда не называла его «Петр», только ласково — «Пётрусь»), — Петр, подумай... три месяца счастья... так мало...

Он не сразу понял, что она говорит о них, а когда понял и хотел ответить, слова застряли в горле.

— А ты еще... Ничего не случилось! Зачем? Голову в песок прятать? Последние недели все только и спрашивают друг друга: будет? Каждый знает, что будет, что уже вот-вот...

Он сумел сохранить спокойствие:

— Малыш, глупости это все, ты расстроена. Посмотри, город спит, ни одно окно не светится. Спящий город — лучшее доказательство, что ничего не случилось...

Тьма, опровергая его слова, откликнулась глухим ревом. Они подняли головы и слушали. Та зловещая музыка, которая в парке беспощадно сразила Шопена. По улицам двигалась артиллерия. В окнах загорался свет, гудели голоса. Девушка посмотрела в глаза юноше.

— Идем, — сказала она.

Вошла в комнату и старательно закрыла балконную дверь, будто та могла оградить их от всего зла этой ночи.

— Ты помнишь, как я пришла сюда первый раз? — быстро спросила она и стала посреди комнаты, озираясь по сторонам. Петр почувствовал холод во всем теле. Неужели она невольно повторяла тот вечер?

Тогда она тоже вбежала мелкими шажками, остановилась, оглядывая углы... — Помнишь? Был март, мокрый март, снег уже таял. Ты писал только в зеленых тонах, казалось, комната заросла травой.

Она вспоминала! Возвращалась в прошлое! Он хотел остановить ее: «Не говори — “казалось”, не говори — “писал”. Говори — “кажется”, “пишешь”».

— А ты играла Баха, — сказал он.

— А я играла Баха, — повторила она. И добавила: — Как жалко, что уже конец.

— Перестань! — закричал он. — Как ты можешь! Ничего не заканчивается, мы вместе, будем вместе. Всегда. Успокойся, малыш. Я сейчас сварю кофе.

У него тряслись руки. В зеркале отражалось бледное, чужое лицо.

Девушка проговорила:

— Врать-то зачем? Это конец. Все закончилось: молодость, любовь, твои картины, моя музыка. Мы были очень счастливы, но врать бессмысленно. Не лучше ли сказать себе: у нас было всего три месяца настоящего счастья? Правда?

Она посмотрела ему в глаза, прочитала ответ. Его лицо, белое как мел, исказила боль.

Ее разбудило еле слышное дребезжанье оконных стекол. Она резко села, сон как рукой сняло; она знала. В комнате еще не рассеялся сумрак, квадраты окон серели. Она ждала. Спустя несколько минут услышала тяжелый и глухой гул. Словно земля вздохнула. Окна опять принялись отбивать свою едва уловимую тему, но ее заглушил новый взрыв. Она взглянула на часы. Почти четыре. Осторожно, стараясь не разбудить спящего, передвинулась и прислонилась спиной к стене. Она смотрела на юношу. Тот лежал беззащитный, как ребенок, и, как ребенок, еще не знал

о вырвавшемся в мир зле. Она глядела на смуглое тело, тонкий, хищный профиль молодого лица. Потом осторожно провела рукой по его волосам.

— Спи, — прошептала она.

Склонилась над ним и замерла, оберегая последние минуты спокойного сна. Рассвет созрел и поднялось солнце. Уже пятнадцать минут шла война.